

Сечение времени

рассказ

Рядом с устьем реки Лемовжа есть высокая гора. Сверху видно, как заснеженная неподвижная Луга белой полосой разрывает тёмно-синее пятно из острых вершушек елей. Для лыжника это самое опасное и самое красивое место на всем пути от Хотнежи до Сабска. Нужно внимательно смотреть вперёд и крепко держать согнутыми в коленях ноги. А мокрый снег как назло острыми хлопьями летит навстречу и больно бьёт по лицу, застилая глаза. Не дай бог, если на крутом и длинном склоне между редко стоящими соснами мелькнёт яма или корень - не успеешь объехать и не устоишь...

Потом ещё верст пятнадцать по Луге - и назад, домой. Мальчишке уже двенадцать. Он - деревенский почтальон и должен каждый день приносить почту. Зимой на лыжах, а летом - бегом, босиком прямо через лес.

Люди по-разному относятся к нему. Кто-то его ждёт и радуется. Другой боится и с недобрым чувством берет от него любую бумагу со штампами. Но один запомнился ему на всю жизнь. Говорили, что он художник, из ссыльных ещё с дореволюционных времен. Почтальон часто привозил ему по нескольку газет и журналов, а тот на квитанции выводил остро заточенным карандашом ровными круглыми буквочками свою фамилию «Докукин». От него всегда пахло красками, а гладко причёсанные короткие и уже сидящие волосы были слегка испачканы белилами. В большой комнате, в углу на

лавке, - аккуратно сложенные холсты. Иногда к маленькому домику художника подъезжали чёрные блестящие машины. Внутри сидела целая семья какого-нибудь начальника или большого военного в форме с красными нашивками. Докукин писал их портреты.

- Вы сегодня что-то поздно, - говорил он мальчишке-почтальону назидательно, но с уважением. - И почему нет «Художественного альманаха» и вчерашней «Правды»?

Обычно они пили чай с маленькими разноцветными леденцами, и Докукин подолгу разговаривал с парнем обо всём как со взрослым. Про войну, про Ленина и Сталина, про коммунизм. Было понятно и интересно.

Иногда художник вручал почтальону кисть и приглашал его к мольберту поучаствовать в раскрашивании какой-нибудь мелочи: облаков на небе или одинаковой на всех портретах овальной броши на платье супруги очередного военачальника. Потом отходил чуть в сторону, долго смотрел то на парнишку, то на его художество и говорил, нежно глядя его по голове: «Да вы просто импрессионист, Фёдор, не иначе...»

Летом они посещали старинное шведское кладбище, что затерялось в зарослях около деревни с таким же названием, что и речка, и рассматривали надгробия. Затем, перейдя мост, уже на другом берегу Лемовжи Докукин показывал крутой обрыв из жёлто-красного песка. Он называл его «сечением времени» и долго рассказывал о том, что якобы свыше трехсот миллионов лет назад на земле произошло крупнейшее вымирание всех живых организмов. Они вымирали и оседали на дно большого моря, которое было тогда на этом месте. Так образовалась целая гора.

Петляя по лесу, они выходили к вершине обрыва. Здесь всё было видно как на ладони: деревня Хотнежа, излучина реки, мост и купола церкви Покрова Пресвятой Богородицы...

Перед уходом мальчишки Докукин всегда давал юному почтальону с собой одну книжку и цветные репродукции с картин какого-то художника. Ночью, забравшись со свечой на печку, мальчуган подолгу их разглядывал, а потом медленно читал под шум дождя. Смаковал от удовольствия буквы и слова, мало понимая смысл прочитанного и увиденного. Запомнилось только что-то про Ангела с мечом, про Ледовое побоище и Минина с Пожарским, про победы Суворова... На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов.

Однажды отец мальчишки вырвал несколько страниц из такой книжки и, завернув в них махорку, скурил. Парень тогда долго ревел. Он боялся потерять новый, заманчивый мир Докукина и его умных книжек. Мать сильно ругала отца, а сына утешала, как могла. «Нужно купить такую-же в городе», - сказала она и дала денег. Они вместе отправились к местному начальнику почты. Тот согласился купить книгу, а чуть позднее, когда мальчишка остался один, попросил его прикрепить антенну от радио на самое высокое место в деревне, к кресту на церкви.

В последнее время в церковь мало кто ходил. Она начинала разрушаться, крест заржавел, пол провалился. Мальчишка привязал к ноге какую-то штуквину и стал карабкаться вверх. Железная лестница скрипела и обламывалась под ногами. Собрался народ, смотрели и охали: «Что за дурак такой лезет?»

В общем, прикрепил он эту антенну. Начал было спускаться, но перекладина лестницы хрустнула под ногой, и парень полетел вниз,

размахивая руками. Он ударился о карниз, прежде чем зацепился расстегнутой курточкой за крест малого купола.

Радио в деревне заработало. Мать мальчишки плакала весь день, а начальник почты подарил ей полфунта конфет. Через неделю он вручил и новую книжку.

Позднее Докукин всё узнал и долго ругал пацана. Конечно, ведь тот легко мог разбиться. И он тихо, как бы для себя, приговаривал: «А этот голубоглазенький везучий, да не по годам ответственный малой. Только пока глупенький... Бог его храни!»

xxx

В детстве, мальчишками, мы часто играли в войну. Тогда, пожалуй, это была для нас самая любимая игра. Кто за наших? Кто сегодня за немцев? Этих выбирали по очереди, потому что их все ненавидели, и они всегда проигрывали. Даже пересказывая приятелям какой-нибудь только что увиденный фильм вовсе не про войну, мы часто называли его плохих действующих лиц «немцами» - так сильны были впечатления от главной трагедии XX века. Конечно, прошло только десять лет. У кого-то нет отца, у кого-то брата. У этих вся семья погибла... Телевизоров было ещё мало, а фильмов про войну - всего два или три. Понятно, что мы как губка впитывали всё, что говорили про ЭТО наши родители.

Когда было свободное время, чаще всего перед сном, мой отец тоже много и интересно рассказывал о войне. Прямо как сказку на ночь. Особенно не вдаваясь в сложные рассуждения о патриотизме, о Родине и других высоких понятиях, он просто рисовал картины

первых боев, отступления, плена, побега... Тогда в моём воображении они все перемешивались, как в калейдоскопе. В памяти оставалось только одно: действия, события и то, какой сильный и храбрый был мой отец.

Прошло ещё лет десять, и уже можно было всё это сравнивать с тем, что описывали в книгах и показывали в кино. Отец сам однажды повёл всю семью смотреть «Живые и мертвые». Я помню, как он глядел на нас. Он видел, что мы многое понимаем.

Со временем меня больше стали интересовать не столько сами действия, сколько ответы на появляющиеся всё новые и новые вопросы. Как это удалось ему и почему не смогли сделать другие? Что было причиной тех или иных поступков разных людей? Мне было интересно, с каким чувством они их совершали. Почему, идя в атаку, кричали: «За Родину! За Сталина!», если сзади стояли автоматчики из заградительных отрядов? Почему в фильме «Батальоны просят огня» все показано чуть мягче, чем в таком же сюжете киноэпопеи «Освобождение». Только потому, что второй от первого разделяют десять лет спокойной мирной жизни? Но тогда со временем может вообще всё сгладиться...

Постепенно от разговора к разговору становилась понятнее полная картина всего того, что произошло с отцом в те трагические для всей страны годы. Вернее, как и почему он выбирал свою судьбу, принимая в критические моменты такие трудные, но свои, самостоятельные решения.

Конечно, выбор всегда неизбежен. Это единственный способ изменения отношений человека, как с самим собой, так и с окружающим миром. Любой из таких выборов, будто лакмусовая бумажка, обнажает истинную сущность каждого. Война лишь делает это беспощаднее. Мне кажется, что для отца всегда определяющим

был поиск своего места в огромном круговороте событий и понимание последствий принимаемых непростых решений. То есть личная ответственность.

Именно такие, десятки, сотни тысяч таких, уверенных, а не убеждённых, сначала притормозили и, в конце концов, остановили раскрутившийся маховик беды. Он постепенно, с большим трудом начал вращаться в другую сторону, вовлекая в эту спасительную круговорот всё новые и новые массы людей. Чаще всего они это делали без идеологизированного и самозабвенного героизма, не замечая изменчивого разноцветья искусственного и наносного. Главное было за плотными слоями налипшей грязи и лжи увидеть Добро. Не менее важно - разглядеть Зло под сверкающим на свету, густо намазанным повидлом.

Крепкий, по-крестьянски обстоятельный и самодостаточный, отец по жизни старался всё делать сам. До войны, на войне и после неё. По складу своего характера он всегда был ближе к природе, чем к людям. Уже на пенсии - по полгода вместе с женой жил в родной деревне. К ним на лето приезжали внуки. Он был нужен. Когда заболела жена, он долго ухаживал за ней, а после её смерти ещё десять лет жил один. Варил себе еду, с радостью и гордостью кормил сыновей и внуков своими щами, когда родственники приезжали его навестить. В шкафу, на полках у него всегда был порядок. Всё выстирано, выглажено, ровненько сложено.

Он прожил девяносто лет. И однажды сам сказал своему сыну: «Пора заканчивать эту историю...»

Недавно передавали репортаж с парада на Красной площади. Журналист окружил себя мальчишками и стал их расспрашивать в прямом эфире: «А кто, ребята, принимал парад Победы в 1945 году?» Те переглянулись, ища друг у друга подсказки. Один, тот, что посмелее, как-то неуверенно, наверное, так, как привык это делать на уроках, сохраняя возможность быстренько исправиться в случае чего, пробурчал: «М-м... Ленин?..»

Я не могу точно описать, то, что почувствовал тогда. Какое-то редкое по силе удивление, переходящее в страх. Это будет покруче тех ощущений, какие испытывают сегодня многие, находясь в бесконечных пробках или видя, как ищут еду на помойках. Тут экономика. Тоже сложно. Но здесь - история, генетическая память народа. Такие вещи исправляются только через поколения. Если вообще исправляются. Духовная инфантильность и социальное безразличие, постепенно поражающие современную молодежь, могут вконец исковеркать её сознание, и тогда все мы неотвратимо придём к ещё большей трагедии, чем та, что случилась в прошлом веке.

Наверное, нужно каждому приложить руку к тому, чтобы отвести эту беду. Сделать что-то свое. Пусть мизерное, но так нужное для детей, для истории, для памяти. Может быть, тогда у новых поколений мальчишек проснётся осознание причастности к сложной истории своей страны, и каждому из них вдруг станет понятно, с чего для него начинается Родина...